

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-87-113

**ГОСУДАРСТВО И (ИЛИ) ЭВОЛЮЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ
О ПОНЯТИЯХ, ПРОИСХОЖДЕНИИ
И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВ
(Часть вторая)**

И.В. Лексин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
leksin@spa.msu.ru

Аннотация. Во второй части статьи рассмотрен ряд методологических проблем осмысления государства. Среди них: некритическое отношение авторов к догматическим представлениям о государстве, нестыковки между определением государства и изложением его характеристик (признаков, элементов). Особое внимание уделено суверенитету как свойству, с одной стороны, неоправданно связываемому теоретиками с государством в любом доктринальном понимании и с любыми историческими эпохами, а с другой стороны, присущему сегодня на практике отдельным образованиям, формально не имеющим статуса государства.

Ключевые слова: государство, теория государства, субъект права, суверенитет, правопорядок.

Для цитирования: Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть вторая) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 87–113.

Дата поступления в редакцию: 09.04.2025

STATE AND (OR) EVOLUTION: PROBLEMS OF JURISTIC REASONING ON THE STATE CONCEPTS, ON THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE STATES (Part two)

Leksin I.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

leksin@spa.msu.ru

Abstract. The second part of the article examines a number of methodological issues related to understanding the state. Among them are: the authors' non-critical attitude to dogmatic ideas about the state, inconsistencies between the definition of the state and the presentation of its characteristics (features, elements). Particular attention is paid to state sovereignty as a quality that, on the one hand, is used to be unjustifiably associated by theorists with any doctrinal understanding of the state and with any historical eras, and on the other hand, actually belongs today to certain political entities that are not regarded as states formally.

Key words: state, theory of state, republic, legal person, sovereignty, legal order.

For citation: Leksin I.V. State and (or) evolution: problems of juristic reasoning on the state concepts, on the origin and development of the states (part two) // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 87–113.

Received: 09.04.2025

Догматизация: риски и потенциал

Догматичность знания сама по себе, конечно, не может рассматриваться как нежелательное явление, поскольку любая система знаний немыслима без определенных догматов. Опасность для науки представляет не догматизация вообще, а лишь приданье догматического значения утверждениям, основанным не на практических доказательствах, а на интуитивной уверенности в их истинности, на бытовых представлениях об очевидном. Не менее вредным видится догматизация вследствие поклонения авторитету, а именно, перенесение такого авторитета на любые слова автора (включая случайно высказанные) или приданье общетеоретического характера ситуативным замечаниям.

Государствоведение, будучи сферой знаний о весьма динамично развивающейся сфере жизни, тем не менее относится к числу

чрезмерно догматизированных. Многие из авторитетных высказываний за время тиражирования в изданиях перестали восприниматься как подлежащие обсуждению. Например, и в дореволюционной, и в советской, и в современной литературе можно встретить утверждение, что в диалоге “*De re publica*” («О государстве») государство «определенено» как «дело народа» или его «достояние»¹. В работах XIX — н. XX в. такая трактовка в целом простительна, поскольку столетие назад слова «определяет», «определение» не ассоциировались столь строго с конструированием определения в академическом смысле, как сегодня. Как бы то ни было, в указанном смысле Цицерон не давал определения государства² и не мог этого делать — в силу отсутствия у римлян понятия о государстве как о некой абстрактной действующей (принимающей решения) сущности³ (соответственно, сомнительно, что словосочетание “*res publica*” «вообще когда-то имело... значение», вкладываемое сегодня в слово «государство»⁴).

Детально проработаны были лишь представления о казне (финансах) как участнике гражданского оборота, тогда как словосочетание “*res publica*” в юридическом смысле обозначало общее имущество, а в более расхожем — общие дела (позднее — единое общее дело)⁵. В большей степени такой подход напоминает использование слова «хозяйство», которое имеют и которым занимаются, но которое не осуществляет деятельность и не принимает решения.

¹ См.: Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. 18; Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 21; История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Изд. 2-е, стереотип / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 76; Горбунов М.А. К вопросу о сущности современного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 17; Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М.: НОРМА, 2022. С. 95.

² Цицерон лишь задавал риторический вопрос: “*Quid est res publica, nisi res populi?*”, т.е. «Что есть дело общее, если не народное?» (*Ciceronis M.T. De Re Publica*. Bostoniae: O. Everett, 1823. P. 28), — впоследствии неоднократно возвращаясь к этому в утвердительной форме. Смысль этих высказываний в том, что «публичное» подразумевает «общенародное», «относящееся ко всему народу», а не только к правителям, к знати и т.п.

³ См., в частности: *Jouvenel B. de. Du pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance*. Paris: Hachette, 1975. P. 88, 165; Штарк Р. *Res publica // Res publica: История понятия*: Сборник статей / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7, 46–47; Шюрбаум В. Цицерон: *De re publica // Там же*. С. 172–179.

⁴ См.: Дрекслер Х. *Res publica // Там же*. С. 67.

⁵ См.: Штарк Р. *Указ. раб.* С. 30, 32–35, 53.

Правда, имеются некоторые основания полагать, что со временем *res publica* начинает приобретать черты личности⁶, но это предположение основывается лишь на косвенных признаках и аналогиях (в известных источниках *res publica* прямо не фигурирует как лицо или деятель).

В свою очередь, вопреки расхожему мнению, и Аристотель ранее не составлял дефиниции государства, а лишь констатировал, что полис есть «совокупность»⁷ (или «масса»⁸) граждан. Правда, имелось «вполне античное» определение самого полиса (который в некоторых контекстах допустимо характеризовать как «государство») как «общности множества людей, достаточно сильной для процветания; узаконенного сообщества людей»⁹, ошибочно¹⁰ упоминаемое многими авторами как изречение Платона. В целом Античности, безусловно, не было чуждо государственное мышление, но для такового совершенно не обязательно, чтобы государство представляло в сознании как нечто, нуждавшееся в определении. Скорее, оно ассоциировалось со всей областью публичного, надындивидуального и надсемейного. Поэтому высказывания о политии (политейе), полисе, республике некорректно переводить с использованием слова «государство», имея в виду современное понимание государства как ключевого субъекта политической жизни.

Небесспорно и описание заслуг мыслителей древнего Востока в концептуализации государства. Вряд ли можно уверенно утверждать, что Конфуций «первым стал вести речь» о социальном государстве¹¹.

Обросло множеством мифов и домыслов творческое наследие европейских философов и политических деятелей средневековья. В современной отечественной юридической литературе, в частности, отмечено, что Н. Макиавелли «впервые ввел в науч-

⁶ Там же. С. 43–47, 55–56.

⁷ См.: Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 444.

⁸ См.: Политика Аристотеля / Н. Скворцов, пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. С. 118.

⁹ Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986. С. 431.

¹⁰ О подложности «Определений» см.: Анонимные прологомены к платоновской философии // Там же. С. 501.

¹¹ См.: Плетников В.С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения. Дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 21, 301.

ный оборот слово “государство” — *stato*¹² и даже что «не только впервые употребил термины “государство” и “государь”, он вместе с тем придал государству вполне определенное понятие, положение и самостоятельное значение»¹³. Н. Макиавелли — бесспорно, выдающийся мыслитель своей эпохи. Но он был практиком и рассуждал о сущем, а явления, которые сегодня принято описывать словом «государство», в политической жизни тогда явственно не наблюдалось. Не мог Н. Макиавелли и «ввести» слова «государство» и «государь». Во-первых, парность этих слов характеризует только переводы на русский и некоторые иные славянские языки. В итальянском языке эти слова не являются ни однокоренными, ни даже родственными (*“lo stato”* и *“il principe”*). Во-вторых, Н. Макиавелли не расширял терминологический ряд политической философии. Слова *“lo stato”* и *“il principe”* можно считать ровесниками самого итальянского языка (они непосредственно производны от латинских *“status”* и *“princeps”*). Н. Макиавелли только способствовал изменению словоупотребления, говоря о *“stato”* не только в русле традиции своего времени (в значении сословия, положения, состояния, владения и пр.), но в некоторых случаях и как о некой отдельной (от правителя) политической сущности. Однако последнее не означает, что само «понятие “государство” ввел Н. Макиавелли»¹⁴ или что он «давал свое эксклюзивное определение государства»¹⁵. Он не сформулировал определения понятия государства и, более того, нигде не расшифровывал значения, в котором употреблял слово *“stato”*. Об этом значении можно только догадываться исходя из контекста. Контекст же нигде не позволяет подтвердить и предположение, что «Николо Макиавелли (1527–1569 гг.) первый применил термин *“stato”* для обозначения политически организованного общества»¹⁶. О таком явлении он не рассуждал (подобное понимание, скорее, следует искать либо в античной философии,

¹² Беляева О.М. «Цель оправдывает средства», или Наставления Н. Макиавелли государю // История государства и права. 2013. № 7. С. 8.

¹³ Овчинников В.А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. 2006. № 10. С. 28.

¹⁴ Корнев А.В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 17.

¹⁵ Юрочкин М.А. Государство: теоретические аспекты формирования понятия // Отечественная юриспруденция. 2015. № 1(1). С. 8.

¹⁶ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

либо в «Левиафане» Т. Гоббса и более поздних трудах), тогда как у Макиавелли “*stato*” в его окологосударственном значении подразумевало скорее аппарат управления.

Преувеличением будет считать Н. Макиавелли и разработчиком категории «государственный интерес»¹⁷ или автором определения государства «через общее благо, которое должно получаться от выполнения реальных государственных интересов»¹⁸. Его справедливо относят к основоположникам возрождения «античного духа» подчинения общему делу, но категория государственного интереса в известных трудах Н. Макиавелли просто отсутствует, хотя данный термин (“*ragion di stato*”) при жизни последнего уже использовался¹⁹. Концептуализация же соответствующей идеи состоялась лишь спустя десятилетия после смерти Н. Макиавелли²⁰. Правда, он упоминал о “*pubblici comodi*”²¹, т.е. об «общих благах» («общей пользе»), но какой-либо доктринальной проработки и этой категории не проводил.

В литературе встречаются и заблуждения обратного характера: авторство имеющих почтенный возраст представлений о государстве нередко приписывается современным ученым. Так, Б. Джессоп посчитал идею о государстве как об общественном отношении открытием Н. Пуланцаса²², хотя датировать ее следовало веком ранее²³.

Заметный вклад в формирование терминологической путаницы внесли переводчики, непреднамеренно вкладывая в средневековые и античные тексты современный смысл, который не мог подразумеваться современниками. Так, широко разошлась цитата из «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» Н. Макиавел-

¹⁷ См.: Чернядьева Н.А. Вестфальский мирный трактат: проблемы противодействия зарождающемуся терроризму // Lex Russica. 2014. № 5. С. 567.

¹⁸ Костин Ю.В. Понятие государства в истории политico-правовой мысли и современных трактовках // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (25), 2007. С. 4

¹⁹ См.: Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. 2. Auflage. München: R. Oldenbourg Verlag, 1960. S. 55.

²⁰ См.: Botero G. Della Ragion di Stato. Libri Dieci, con Tre Libri delle Cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città. Venetia: Appresso i Gioliti, 1589. 368 p.

²¹ Il Principe, e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio di Niccolò Machiavelli. Firenze: Felice le Monnier, 1848. P. 226.

²² См.: Jessop B. The State and Power // The SAGE Handbook of Power / Eds. S.R. Clegg and M. Haugaard. London: SAGE Publications Ltd, 2009. P. 380.

²³ Данный подход приобрел значительную популярность в германоязычной юриспруденции конца XIX в. См., в частности: Иеринг Р. Цель в праве. I том. СПб., 1881. С. 221.

ли, начинающаяся словами «достоин уважения не просто тот, кто стоит во главе государства...»²⁴. Однако в оригинале ничего не говорилось ни о стоянии «во главе государства», ни даже о «государстве» (“stato”), а только о способности «править королевством» (“governare un regno”)²⁵.

Не оперировал понятием государства и Августин Блаженный. В частности, весьма вольным переводом следует признать фразу «что такое государства, как не большие разбойничьи шайки»²⁶. В оригинале говорится вовсе не о государстве как о явлении или просто некой цельности, а о правлении (состоянии властовования), которое сравнивается с принудительным отъемом благ²⁷.

В качестве примера неуместного переноса категориального аппарата Нового времени в древний контекст можно вспомнить ставшее хрестоматийным высказывание, приписываемое переводчиками Цицерону: «Да и что такое государство, как не общий правопорядок?»²⁸. Цицерон никогда не отзывался о государстве как о правопорядке²⁹ и вообще не мог упоминать о последнем (поскольку данное понятие просто не было известно Античности). Не вполне корректные утверждения об античных взглядах на государство нередки и в зарубежной литературе³⁰.

На представлениях о государстве, конечно, сказывалось и продолжает сказываться влияние не только ситуативных высказыва-

²⁴ См.: Каппони Н. Макиавелли / пер. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. С. 256; Березко В.Э. Стратегия государственного строительства в понимании Сталина // История государства и права. 2008. № 12. С. 33.

²⁵ Il Principe, e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio di Niccolò Machiavelli. Firenze: Felice le Monnier, 1848. Р. 84.

²⁶ Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I — XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 150.

²⁷ Лат. “quid sunt regna nisi magna latrocinia?” (*Augustinus S. De Civitate Dei. Venetiis, 1475. Quartis liber, p. 2*) означает: «Что представляют собой правления, если не крупный грабеж?».

²⁸ Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 24.

²⁹ В диалоге «О республике» задается риторический вопрос хотя и близкий по смыслу, но не имеющий отношения к пониманию государства как правопорядка: “Quid est enim ciuitas, nisi iuris societas?” (*Ciceronis M. T. Op. cit. Р. 33*). Буквально эта фраза означает: «Что такое гражданское общество, как не общество юридического характера?». С учетом контекста в приведенной цитате заложен следующий смысл: «Разве может существовать сообщество граждан (политическая общность) без юридической связи?».

³⁰ Например: «для Аристотеля понятие государства было неотделимо от понятия греческого полиса» (*Ferguson Y.H., Mansbach R.W. The State, Conceptual Chaos, and the Future of International Relations Theory. Boulder: The University of Denver, 1989. Р. 3*).

ний античных мыслителей о полисе и республике, но и их концептуальных идей — также переиначенных (в этом следует видеть заслугу мыслителей эпохи Просвещения и ряда представителей европейской юриспруденции XIX в., экстраполировавших современный им мир государств на Античность³¹) и в модифицированном виде воспринятых в качестве догм. В отечественной юридической литературе это влияние было наиболее заметно во второй половине XIX — начале XX в. Проявлением его служит упомянутая в первой части статьи трактовка государства как общественного союза³² (родоначальниками такого подхода можно считать Аристотеля и Цицерона, которые характеризовали, соответственно, полис и «республику» как совокупность граждан³³ и союз людей³⁴).

Догматический характер приобрело и трехэлементное представление государства (народ, территория, власть)³⁵ или квалификация этих обстоятельств в качестве признаков государства (подробнее об этом ниже).

Советская эпоха ознаменовалась догматизацией другого понимания государства — как «формы политической организации общества». Как известно, авторами формулировок, приобретающих ключевое значение, нередко оказываются не основоположники учения, а его интерпретаторы и комментаторы. Так, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В.И. Ленин не использовали приведенное словосочетание в своих трудах. Концептуализация государства ими, безусловно, производилась, но таковая выражалась в выявлении признаков государства³⁶ и в острых замечаниях о государстве как

³¹ См.: об этом *Jouvenel B. de. Op. cit.* Р. 161; *Шмитт К.* Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // *Логос.* 2012. № 5 (89). С. 214.

³² См., например: *Чичерин Б.Н. Курс государственной науки Ч. I. Общее государственное право.* М., 1894. С. 1–9; *Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права.* М., 1917. С. 22.

³³ См.: *Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура.* М.: Мысль, 1983. С. 444; *Политика Аристотеля / Н. Скворцов; пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами.* М.: Университетская типография, 1865. С. 118.

³⁴ Лат. *coetus hominum* (см.: *Ciceronis M.T. Op. cit.* Р. 2–28).

³⁵ См., в частности: *Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права.* Одесса: Экон. тип., 1890. С. 3–9; *Мартенс Ф.Ф. Лекции по государственному праву.* СПб., 1892. С. 10; *Свешников М.И. Русское государственное право. Часть I. Общая теория государственного права.* СПб., 1895. С. 113–135; *Рененкампф Н.К. Юридическая энциклопедия.* Издание 4-е. Киев, 1913. С. 38, 40–44.

³⁶ См.: *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Пер. И.М. Дебу.* СПб., 1906. С. 126–128.

об орудии классового принуждения, не носивших характера академических определений³⁷.

Процитированная же трактовка государства появилась уже при пересказе и комментировании идей классиков³⁸. Учитывая положение, которое занимала история коммунистической партии в системе дисциплин высшего образования, неудивительно, что определение государства как политической организации общества или как ее формы приобрело, по сути, аксиоматический характер (подробнее см. в первой части статьи).

Данная трактовка пустила столь мощные корни в профессиональном (академическом) сознании, что и сегодня остается наиболее популярной у отечественных авторов³⁹. Справедливости ради следует признать, что подобные «организационно-политические» определения встречаются и в зарубежной литературе, причем относящейся не только к постсоветским странам, но и к «западным»⁴⁰.

Современные отечественные подходы к концептуализации государства в целом также характеризуются неоправданной догматичностью. Так, государство принято преподносить в качестве явления пусть и изменчивого, но обладающего и некоторыми универсальными свойствами — независимо от его принадлежности к древности, средневековью или современности. Общепризнана множественность вариантов трактовок государства, но данная

³⁷ См., в частности: *Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции* // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 20–21.

³⁸ В частности, указывалось, что «Ленин предлагал заменить парламентарную республику республикой Советов, как наиболее целесообразной формой политической организации общества в переходный период от капитализма к социализму» (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. С. 177).

³⁹ См., в частности: *Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 78; *Основы права / под ред. В.Б. Исакова*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 34; *Юрочкин М.А. Государство: теоретические аспекты формирования понятия* // *Отечественная юриспруденция*. 2015. № 1(1). С. 10; *Цечев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: Учебник*. М.: Прометей, 2017. С. 36, 318.

⁴⁰ О государстве как о централизованной социополитической организации и о форме политической организации (“form of political organization”) см., соответственно: *Claessen H.J.M., Skalnik P. Early State*. Mouton: The Hague, 1978. P. 51, 630, 637, 640; *Jessop B. The state: past, present, future*. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 2, 15, etc.

констатация очевидного практически не препятствует игнорированию множественности понятий (соответствующих разным историческим явлениям), обозначаемых одним и тем же словом «государство». Это может приводить к некорректной интерпретации исторических событий и к конструированию «дополненной» исторической реальности (например, к представлению древних войн как конфликтов, однородных с современными межгосударственными, к ожиданию масштабного государственного правотворчества в отсутствие условий для такового, к представлению конгломератов владений одного правителя как цельности в институциональном отношении и как сферы действия общего правопорядка, к иным неуместным аналогиям между современными государствами и средневековыми⁴¹ даже «ранненововременными» политическими образованиями⁴²).

Малопродуктивной видится и приверженность упомянутому «политико-организационному» пониманию государства, как было сказано, наиболее распространенному в отечественной литературе. В частности, с теоретической точки зрения семантически некорректно приписывать обладание суверенитетом «организации власти», «организации общества» или ее «правовой форме» (подробнее об этом будет сказано ниже). Подстановка такого рода определений во множестве других практически значимых контекстов также приводит к их обессмысливанию⁴³. Организация общества или организация власти — это не сущности, которые можно назвать совершающими действия, принимающими решения, обладающими чем-либо. Государство в таком смысле само является свойством, состоянием общества (или власти). Вменить действия, решения, приписывать качество суверенитета можно организации как субъекту организационного типа, но не организации чего-либо.

Неудачно сочетаются с рассмотренными вариантами значения слова «государства» и упомянутые представления о власти, насе-

⁴¹ См. об этом, в частности: *Creveld M. van. The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.* P. 126; *Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 18–19.*

⁴² См., в частности: *Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. London and New York: Verso, 2003.* P. 225–233, 238–239.

⁴³ См. об этом, в частности: *Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 220.*

лении и территории как о признаках или элементах государства, ставшие вновь популярными в последние десятилетия. Сами эти представления сегодня также обойдены критическим вниманием и нередко вновь возводятся в догматическое состояние⁴⁴ (в том числе в безапелляционной манере⁴⁵), хотя еще в дореволюционной юриспруденции были высказаны аргументированные суждения об отсутствии у них научного характера⁴⁶.

Невзирая на приведенные критические замечания, система теоретических знаний, как было сказано, не может обойтись без догматизации тех или иных положений. Но важно, чтобы догматы были эмпирически проверяемыми или хотя бы не могли быть опровергнуты посредством сопоставления с социальной (политической, хозяйственной) практикой. К догматам такого рода могли бы быть отнесены, например, утверждения о том, что государству в современной юридической действительности соответствует множество юридических личностей (например, как было отмечено в первой части статьи, российское государство в настоящее время представлено и Российской Федерацией как субъектом права, и 89 субъектами РФ, и федеральной территорией «Сириус» и более чем 17 тысячами муниципальных образований), а суверенитет государства как субъекта права есть юридически признанная способность по собственному усмотрению формировать и трансформировать правопорядок.

⁴⁴ См., например: Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. С. 388; Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 64; Балагурова Н.Н. Государство как территориальная система // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Выпуск 13. 2007. № 12 (90). С.5; Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 11; Чертков А.Н. Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 24, 423; Грачев Н.И. ТERRиториальная организация публичной власти: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 14; Нифанов А.Н. ТERRитория Российской Федерации: конституционно-правовая теория. Дисс. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2020. С. 5, 25.

⁴⁵ Так, В.В. Иванов утверждает, что «никто не может поспорить с тем, что государство: 1) есть объединение людей, организованное на властных началах; 2) немыслимо без территории» (Иванов В.В. Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 11).

⁴⁶ См. об этом, в частности: Лексин И.В. ТERRитория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 463–465.

Об элементах и (или) признаках государства

Рассуждения об элементах, признаках и других характеристиках государства практически всегда ведутся в отрыве от значения, в котором используется слово «государство». Между тем, в большинстве контекстов выделяемые элементы, признаки и пр. логически не согласуются с декларированным определением государства или, по крайней мере, выглядят далеко не бесспорными.

Бытует мнение, что «уже достаточно давно сложился относительный доктринальный консенсус об обязательных элементах государства»⁴⁷ (территории, власти и населении). Он действительно имелся (правда, к общеизвестным составляющим государства порой добавлялся и четвертый — «цель»⁴⁸), но лишь во франкоязычной⁴⁹ и в отечественной дореволюционной литературе⁵⁰. Для германских же государстроведов, которые первыми обратились к оценке данных обстоятельств, таковые виделись не «элементами», а «условиями»⁵¹, необходимыми «требованиями» к государству⁵², его «основаниями»⁵³, что не вызывает претензий к логичности (правда, в XX в. слово «элемент» проникло и в немецкое государстроведение⁵⁴).

Использование в отношении названных обстоятельств слова «элементы» изначально не было корректным: само слово «элемент» к государству в большинстве трактовок приложимо лишь «метафорически»⁵⁵. Их значимость для практического бытия государства отрицать нельзя, но ни в одном из вариантов юридического понимания государства отмеченные обстоятельства не соотносятся

⁴⁷ Иванов В.В. Указ. соч. С. 11.

⁴⁸ См.: Гаген В.А. Учебник административного права. Выпуск I. Ростов-на-Дону, 1919. С. 10–12.

⁴⁹ См.: Duguit L. Manuel de droit constitutionnel. Théorie général de l'État. — Organisation politique. Paris, 1907. P. 73–144.

⁵⁰ См., в частности: Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. Издание 3-е, испр. и доп. М., 1906. С. 7–12; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910. С. 201; Жилин А.А. Указ. соч. С. 37–44, 71; Тарновский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 335–374.

⁵¹ Ierig R. von. Der Zweck im Recht. 1. Band. 2. umgearbeitete Aufl. Leipzig, 1884. S. 498–499.

⁵² Seydel M. Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, 1873. S. 4.

⁵³ Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs. 3. Aufl. 1. Band. Freiburg und Leipzig, 1895. S. 118–182.

⁵⁴ См., например: Lübtow U. von. Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. М., 1955. S. 470.

⁵⁵ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Изд. 3-е. СПб., 1913. С. 53.

с ним как элементы и система⁵⁶. Правда, в некоторых из распространенных пониманий государство, по сути, сводится к тому или иному из этих обстоятельств (в политико-географическом значении государство есть территории, государство в значении государственного аппарата — это система носителей публичной власти, государство как социальный союз или как организованное общество тождественно населению). Однако юридическая несостоятельность отождествления государства с одним из названных компонентов также обоснована более столетия назад⁵⁷.

Просуществовал упомянутый «консенсус» также недолго. В отечественной юриспруденции он начал разлагаться также «достаточно давно»: еще столетие назад данный подход был прямо назван «явною бессмыслицею»⁵⁸. Правда, в постсоветской юриспруденции, как было отмечено выше, он обрел немало сторонников. Определенный интерес к элементному подходу сохраняют также социологи и политологи⁵⁹.

Разлагать государство в любом значении на иные элементы также проблематично. Прежде всего, не вполне ясно, как можно логически грамотно подойти с точки зрения элементного состава к «политической организации», «организации общества», «организации политической власти» и т.п. Организацию как процесс делится на стадии, но не на элементы. Организацию как состояние организованности в принципе можно структурировать по сферам (политической, экономической и пр.), но корректность представления такой структуры как элементного строения государства не-бесспорно.

Часть явлений, обозначаемых словом «государство», просто не поддается членению на элементы. Прежде всего, не может быть элементов у государства как субъекта права (в единственном чис-

⁵⁶ Строго говоря, упомянутую известную триаду невозможно представить и в качестве элементов государства в неюридическом (социологическом, политологическом, философском) понимании, а равно в качестве элементов вообще чего бы то ни было — в силу разнородности (так же, как, например, юридическое лицо нельзя представить как систему, состоящую из работников, трудовой дисциплины и здания или помещения).

⁵⁷ См.: Еллинек Г. Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 104–107.

⁵⁸ Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. I. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925–1926. С. 671.

⁵⁹ См., в частности: Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 70–91.

ле). Правда, в случае упоминавшегося представления государства как системы множества субъектов права эти субъекты (сама Российская Федерация, 89 субъектов РФ, федеральная территория «Сириус» и почти 18 тысяч муниципальных образований) могут претендовать на положение элементов государства. Однако в юридической литературе, а также в законодательстве (прежде всего субъектов РФ) территориальная единица обычно описывается совсем по-другому: как часть государства или другой территориальной единицы⁶⁰. В определенном контексте данный подход корректен, но государство и внутригосударственные территориальные образования в таком случае нужно рассматривать как сугубо географические, а не юридические явления.

В других случаях членение государства на элементы потенциально осуществимо, но продуктивность такого может вызывать сомнения. Например, элементы государства как социального союза вряд ли могут обладать спецификой по сравнению с результатами структурирования общества. Без значительных затруднений структурируется государственный аппарат, но в таком случае элемент государства должен просто отождествляться с государственным органом или с территориальным уровнем публичной власти. Пригодно для структурирования государство как правоотношение (правда, имеются разногласия по поводу его элементного состава⁶¹) и система правоотношений (в таком случае элементами государства окажутся специфические группы правоотношений), но данный взгляд на государство не согласуется с конструкциями его органов и суверенитета (у правоотношения, очевидно, не может быть ни органов, ни верховенства или независимости). Структурированию в принципе поддается и правопорядок. Например, при сословном социальном устройстве он может, по сути, распадаться на несколько самостоятельных правопорядков. Внутри общества могут обособляться и иные сегменты (так, внутриармейский правопорядок существенно отличается от общегражданского; существует множество примеров обособленной регламентации внутрицерковной жизни). В случае сложной территориальной организации можно выделить «региональные» правопорядки. Таким образом, элементы государства в данном смысле — это «подправопорядки»,

⁶⁰ См., например: Чертков А.Н. Указ. соч. М., 2012. С. 65.

⁶¹ В качестве элементов правоотношения бесспорны только права и обязанности сторон, тогда как сами последние (субъекты правоотношения), а равно объекты правоотношения, его материальное содержание, хотя и общеизвестны, не относятся к безусловно признанным элементам правоотношения.

относящиеся к разным слоям общества, к светской и церковной жизни, к разным территориям и т.п.

Итак, хотя элементная схема государства в целом является сомнительной, государство в ряде значений может быть без ущерба для правил формальной логики разложено на элементы. Однако такие элементы мало напоминают классическую триаду, а их теоретическая ценность и практическая значимость не очевидны.

Признаки государства — более уместный в сравнении с элементами предмет для рассуждений. Однако в изложении признаков государства в современной научной и учебной литературе встречается ряд типичных проблем.

Во-первых, признаки государства смешиваются с его элементами, т.е. свойства на словах отождествляются с составными частями. Эта логическая погрешность усугубляется отмеченной выше сомнительностью самого элементного подхода к анализу государства (как правило, в качестве таких «признаков-элементов» указываются упоминавшиеся выше территория, власть, население⁶²).

Во-вторых, неменьшие сомнения вызывает распространенное упоминание обстоятельств из упомянутой триады среди признаков государства без параллельной их идентификации как его элементов. Почти неизменно в таком качестве называется публичная власть (противопоставляемая авторитету внутриродового или внутрисемейного характера). Внимание к данному параметру заслуженно, однако приверженность ему традиционно соседствует с явным или неявным признанием формационного подхода (по крайней мере, в части совпадения границы между догосударственным и государственным периодами истории с условным моментом разложения или трансформации первобытнообщинного строя). Как известно, публичный характер власти совсем не регулярно проявлялся в рамках формации «рабовладельческого государства» и еще с большими оговорками может быть связан с «феодальным государством»⁶³.

⁶² См., например: *Бабурин С.Н. Территория государства: теоретико-правовые проблемы*. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 7; *Сысоева Е.А. Категория «территория» в правовой теории и практике законодательного регулирования федеративного устройства современной России*. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 3; *Тихомиров Ю.А. Государство: монография*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 56–57; *Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства* // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2016. № 1 (46). С. 6–8.

⁶³ См., в частности: *Меркель А. Юридическая энциклопедия* / Пер. Ф.К. Зейделя, под ред. В.М. Грибовского. СПб., 1902. С. 173; *Тарановский Ф.В. Указ. соч. С. 205. Энциклопедия государства и права* / Под ред. П. Стучка. Т. I. М., 1925–26. С. 349.

Кроме того, поскольку «одно явление само по себе не может считаться свойством (признаком, характеристикой, чертой) другого», признаком государства логичнее рассматривать не саму власть, а ее качество или качества: верховенство, универсальность (независимость от наличия родственных, личных, иных бытовых связей между источником и адресатом властных решений), юридический характер (выраженность в решениях, трансформирующих правовое положение адресатов) и т.п. Аналогичные замечания могут быть высказаны в адрес территории и (или) границ, а также населения (или общества), которые многими авторами продолжают рассматриваться как признаки государства⁶⁴ (хотя в качестве свойств государства логичнее было бы указывать не территорию как таковую и не совокупность одушевленных существ, а, например, соответственно, территориальность и наличие устойчивых правовых связей с жителями).

Кроме того, следует иметь в виду разницу между теоретическими признаками и измеримыми практическими индикаторами. Параметры, относящиеся к населению, территории, органам публичной власти, оправданы скорее в качестве критериев для принятия решения о признании государства (см., например, Конвенцию о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г.), чем как его концептуальные свойства (так же, как, например, условия, которые требуется выполнить для государственной регистрации в качестве некоммерческой организации, — это не признаки такого рода организаций).

В-третьих, признаки смешиваются со средствами, требующими для обеспечения функционирования государства. Например, среди признаков государства почти общепринято указывать налоги (или систему налогов и сборов, или налоговую систему)⁶⁵. Однако налоги — это далеко не единственный и не безусловно необходимый источник государственных доходов. Налоги в строгом понимании (индивидуально-безвозмездные обязательные платежи) характерны, главным образом, для современности. Значительно более продолжительную историю имели дань (плата за персональное по-

⁶⁴ Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 41; Теория государства и права: учебник / под ред. Г.Г. Бернацкого. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 68–69.

⁶⁵ См., в частности: Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 53; Цыганов В.И. Теория государства и права: тезисы лекций. Нижний Новгород, 2007. С. 20; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 89; Рассказов Л.П. Указ. соч, 2015. С. 43–45; Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 88, 90.

кровительство, за пощаду или за сохранение самостоятельности), военная добыча, повинности в натуральной форме (личная служба, предоставление войска для участия в военных походах и пр.), доходы от земель (домена) правителя⁶⁶. Причем эти сборы обыкновенно шли на содержание двора последнего⁶⁷, и лишь со временем они стали видеться средством «удовлетворения потребностей получателя, высшего по отношению к персоне короля, т.е. потребностей “воображаемого корпуса”, каким является государство»⁶⁸.

В-четвертых, в строгом смысле признаки какого бы то ни было явления суть черты, не просто свойственные ему, но позволяющие очертить его пределы, т.е. отграничить его от смежных явлений. Однако в числе признаков государства нередко оказываются не только отличительные свойства, но и иные характеристики (общие для государств и иных образований). Например, монополия на право-творчество⁶⁹ или монопольное право издавать «законы и другие нормативные правовые акты»⁷⁰ у государства отсутствует. Такую деятельность могут осуществлять и надгосударственные организации, и внутригосударственные автономные территориальные образования. Аналогично можно охарактеризовать такой признак, как наличие аппарата управления⁷¹. Сложно назвать признаком государства и наличие специальной символики⁷² (таковая имеется

⁶⁶ См., в частности: *Оппенгеймер* Ф. Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. М. Проект RUSTATE.ORG, 2020. С. 181–183. *Lachmann R. States and Power*. Cambridge: Polity Press, 2010. Pp. 16, 25.

⁶⁷ См., например: *Lachmann R. States and Power*. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 16, 25.

⁶⁸ *Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей)*. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 138–139.

⁶⁹ См., например: *Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров*. М.: Проспект, 2015. С. 390; *Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Указ. соч.* С. 46.

⁷⁰ См., например: *Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса*. М.: Стагут, 2019. С. 89.

⁷¹ См., например: *Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 55; *Борисов Г.А. Теория государства и права*. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 57; *Васильев А.В. Теория государства и права*. М.: Флинта: МПСИ, 2008. С. 136; *Какимова М.Ш. Основы теории государства и права*. Астана: Фолиант, 2007. С. 21.

⁷² См., например: *Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник*. М.: Юристъ, 2001. С. 53; *Оксамитный В.В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция»*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 151; *Сокольская Л.В. Теория государства и права*. В 2 ч. Ч. 1. *Теория государства*. Орехово-Зуево: ГГТУ, 2024. С. 39–40.

и у субнациональных и у наднациональных образований, и у отдельных органов и организаций). По-прежнему в числе признаков государства, «свойственных только ему», можно встретить создание «собственной национальной валюты»⁷³, хотя, как известно, десятки государств функционируют без такой валюты, существуют валюты наднационального уровня, а в некоторых странах допускается эмиссия субнациональных (локальных) валют. Правильнее было бы сказать не что любое государство создает свою валюту, а по своему усмотрению осуществляет валютное регулирование (что не всегда препятствовало в недавнем прошлом⁷⁴ и не везде препятствует сегодня частному выпуску денег). Но и эта характеристика не составляет полноценный признак государства (она покрывается свойством наличия суверенитета).

В-пятых, с трактовкой государства как древнего явления соседствует (без оговорок) упоминание обстоятельств, характерных только или преимущественно для государств современности. Например, «признаком, отличающим государство от догосударственных форм общественной организации», называется «издание правовых норм»⁷⁵. Такое утверждение было бы справедливым, если бы государство рассматривалось в качестве института, сложившегося лишь в Новое время⁷⁶, однако в отечественной юриспруденции данный взгляд привлекает внимание весьма редко⁷⁷. Далеко не бесспорным является кажущееся очевидным свойство территориальности государства. Между тем, территориальными в современном смысле государства стали лишь в позапрошлом веке. Даже в раннее Новое время у государства не было «своих» территории и границ: географическим (но совсем не правовым) заменителем государственной территории выступали частные (династические) земельные владения⁷⁸.

Другой характерный пример связан с общепризнанным распространением государственной власти непосредственно на фи-

⁷³ Васильев А.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁷⁴ См., в частности: Lachmann R. Op. cit. Cambridge: Polity, 2010. P. 76.

⁷⁵ Учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; Под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. С. 57.

⁷⁶ См., в частности: Creveld M. van. Op. cit. 439 p.; Lachmann R. Op. cit. P. VIII.

⁷⁷ См.: Назмутдинов Б.В. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 125–130.

⁷⁸ См.: Teschke B. Op. cit. Pp. 230–231.

зических лиц (рядовых граждан). По этому параметру, в частности, принято проводить границу между государством и союзом государств (конфедерацией). Однако этот важнейший критерий обычно забывается при ведении рассуждений о феодальных «государствах», хотя в таких общностях правители могли предъявлять юридически обоснованные требования только в отношении своих вассалов, а с рядовыми подданными были связаны только в качестве (весьма ситуативно поддававшемуся претворению в жизнь) высших судей, не имея возможности осуществлять непосредственное налогообложение в отношении обывателей и не издавая нормативные акты, которые сегодня принято характеризовать как имеющие прямое действие.

Более того, такие «государства» не имели и органов в современном понимании (за исключением немногочисленных республик⁷⁹ правление осуществлялось от имени конкретной персоны, а в республиках — от имени представительного органа, сословий или народа). Они не могли обладать «монополией на осуществление правотворчества» (поскольку с государством никакие решения не связывались: монарх издавал акты от своего имени, представительные органы — либо от своего имени⁸⁰, либо от имени представленных в них сословий). Соответственно, не обладали они и суверенитетом (сувереном мог считаться монарх, представительный орган, народ).

С учетом этих обстоятельств, феодальные королевства и прочие монархические образования средневековья заслуживают отнесения к категории государств не более, чем конфедерации и иные международные организации Нового времени.

Соответственно, в-шестых, представляется нeliшней концентрация на свойствах государства не как явления политического, социального, управленческого (что преобладает в современной юридической литературе), а как компонента правовой действительности. В частности, в качестве свойств государства как субъекта права следует рассматривать упомянутые выше обстоятельства: наличие устойчивых правовых связей с жителями и способность принимать юридически обязательные решения прямого действия.

⁷⁹ Определенных оговорок требует и Британия, за счет перехода части функций от короля к парламенту пришедшая к некоторому подобию государства в современном смысле несколько раньше других европейских государств.

⁸⁰ В странах, унаследовавших британские политические традиции или политический менталитет, законы и в настоящее время носят титул актов парламента, конгресса и пр.

Правда, признаками (исключительно) государства они не являются. Такие правовые связи могут возникать и с внутригосударственными территориальными образованиями, а иногда и с надгосударственными. Аналогично можно охарактеризовать и наличие у решений прямого действия (круг субъектов таких решений также не исчерпывается государствами).

В-седьмых, авторы далеко не всегда учитывают, что каждому пониманию государства соответствует свой набор признаков и, соответственно, нередко перечисляют в одном и том же ряду признаков черты государства в разных значениях. Например, указывается, что «государство как субъект права обладает следующими признаками: территорией, населением, суверенитетом, властью, реализуемой государственными органами»⁸¹. Однако первые два обстоятельства относятся к государству не как субъекту права, а как, соответственно, географическому объекту (как субъект права государство обладает не территорией, а пространственной компетенцией и территориальным верховенством) и как социально-политической общности (как субъект права государство не обладает населением, а находится в устойчивой правовой связи с гражданами). Строго говоря, из перечисленного чертой государства как субъекта права является только суверенитет.

Сама концепция суверенитета государства неотделима (и производна) от представлений о государстве как о личности (государственный суверенитет — это суверенитет государства как субъекта) и не вполне сочетается с большинством других значений слова «государства». Обстоятельствам, обозначавшимся словом «государство» прежде (имуществу, владениям, объекту властовования) суверенитет закономерно не мог приписываться (суверенитетом обладал правитель — по отношению к государству в таком понимании).

Однако это обстоятельство обычно игнорируется: суверенитет неизменно упоминается в современной юридической литературе среди признаков государства независимо от подхода к государство-пониманию, которого придерживается автор. Так, сомнения вызы-

⁸¹ Шматова Е.С. Государство как субъект публичного права: теоретико-правовой аспект // Юрист. 2023. № 10. С. 6 С. 2–7. Похожие перечни («1) территория; 2) население; 3) организация публичной (политической) власти; 4) налоги; 5) суверенитет» и «суверенитет как важнейший признак», «право, налоги, территория и население») см. в изданиях: Актуальные проблемы теории государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / авт.-сост. И.Л. Петрова. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. С. 73; Рассказов Л.П. Указ. соч. С. 40–43.

вает связка суверенитета государства и с доминирующей сегодня трактовкой последнего как «политической организации», «организации общества», «организации власти». Трактовка государства как такой организации, с одной стороны, придает ему некоторую осозаемость, однако, с другой стороны, замещает абстрактную и идеалистическую, но четкую квалификацию государства как субъекта права другой абстракцией, причем с чрезвычайно расплывчатым содержанием (по крайней мере, с юридической точки зрения, независимость и верховенство «политической организации общества» или «организации политической власти» не обладают сколь-нибудь ясным значением). Проблематично приписать верховенство и (или) независимость государству как правоотношению или системе правоотношений. Суверенный же государственный аппарат — это, по сути, суверенный правитель (пусть и коллективный), занимающий промежуточное положение между сувереном в изложении Бодена и государством как абстрактным сувереном, от имени которого выступают органы и должностные лица.

Помимо субъектной концепции государства более или менее с идеей его суверенитета совместимо понимание государства как правового порядка. В этом случае суверенитет есть общее свойство и права, и государства: он выражается в верховенстве национального правопорядка (его независимости, неподчиненности иным правопорядкам в пределах территории государства). В принципе может быть суверенным и государство как общественный союз, но опять же лишь при наличии правосубъектности.

Не гармонирует с большинством трактовок государства и его способность (монопольная или иная) к правотворчеству и (или) к легитимному принуждению. Такая способность подразумевает, что государство есть деятель (субъект права или аппарат), а не объект, не организация власти или общества, не правоотношение или система правоотношений, не правопорядок. Однако смешение разнородных представлений о государстве, как было сказано, не является редкостью. В итоге государство может представлять «суверенной организацией публичной власти», «обладающей принудительной силой» и «правом издавать законодательство»⁸².

Сказанное не означает, что каждая характеристика может быть приписана государству лишь в единственном из пониманий. Некоторые из свойств вполне могут быть связаны с государством

⁸² Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 90.

в разнообразных смыслах, но такое связывание требует их адаптации под каждое значение. Например, под территориальностью государства как субъекта права следует понимать распространенность государственной власти, или компетенции, или юрисдикции, или суверенитета на обстоятельства в пределах определенного пространства, как организации власти или общества — территориальную структурированность этой организации, как общественного союза — территориальную оседлость народа, как правоотношения — наличие территориального предела его реализации, как правового порядка — пространственный характер действия и действительности национального правопорядка⁸³.

Итак, по сути каждый из выделяемых в специальной литературе признаков государстве в той или иной мере сомнителен и не бесспорен. Многие обстоятельства позволяют достаточно рельефно описать государство в том или ином понимании, но среди таких обстоятельств государства проблематично выделить свойства, присущие исключительно ему (т.е. его признаки в тесном значении). Это относится к государству в любой из доктринальных концепций, а равно к сущностям, сегодня официально признаваемых государствами на практике (в частности, как упоминалось выше, территориальность, наличие выступающих от их имени органов, способность к правотворческой деятельности, наличие устойчивой правовой связи непосредственно с жителями, прямое действие принимаемых решений и пр. можно встретить и у субгосударственных, и у некоторых надгосударственных образований), а тем более — к считавшимся государствами в прошлом. На роль исключительного признака государства (в современном понимании) из числа упоминаемых в литературе с большим основанием может претендовать только суверенитет. Но, как было сказано, эта характеристика совместима далеко не с каждым подходом к государствопониманию. Кроме того, вследствие многозначности и приобретенной расплывчатости она нуждается в уточнении. Даже ставшее общепринятым в отечественной юридической литературе определение суверенитета государства как его внешней независимости государства и внутреннего (территориального) верховенства не вполне удачно, поскольку по сути является скорее политологическим и отражает не столько само свойство государства, сколько

⁸³ Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 464.

его внешние проявления (практические следствия)⁸⁴. Свойство же это заключается в признаваемой способности устанавливать, трансформировать и защищать правовой порядок на определенной территории⁸⁵. Однако и такое понимание государственного суверенитета не решает проблему ограничения государств от смежных явлений: в сложном государстве формирование правопорядка осуществляется как государство, так и региональные территориальные образования (причем в части стран по определенному кругу вопросов решения последних обладают безусловным верховенством⁸⁶), а надгосударственное объединение фактически может принимать на себя роль ключевого субъекта формирования правового порядка (прежде всего это характеризует Европейский союз). Это требует либо трактовки суверенитета как качества не только государств, но и отдельных внутригосударственных и надгосударственных образований, либо включения таких образований в категорию государств.

(Продолжение следует).

Литература

Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Балагурова Н.Н. Государство как территориальная система // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Выпуск 13. 2007. № 12 (90). С. 5–9.

Беляева О.М. «Цель оправдывает средства», или Наставления Н. Макиавелли государю // История государства и права. 2013. № 7. С. 8–12.

Березко В.Э. Стратегия государственного строительства в понимании Сталина // История государства и права. 2008. № 12. С. 33–35.

Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I — XIII. СПб Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 596 с.

Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Ака-

⁸⁴ См.: Лексин И.В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразие концептуальных иллюзий // Федерализм. 2017. № 1 (85). С. 83–85.

⁸⁵ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 352; Лексин И.В. Указ. раб. С. 84.

⁸⁶ Так, сообщества и регионы Бельгии заключают международные договоры по вопросам, входящим в компетенцию парламента соответствующего субъекта федерации, и федерация может воспрепятствовать заключению договора лишь в некоторых случаях (см.: Лексин И.В. Государственное устройство федераций в составе Европейского союза: учебное пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2011. С. 121).

демии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 127–166.

Гаген В.А. Учебник административного права. Выпуск I. Ростов-на-Дону, 1919. 146 с.

Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. 832 с.

Горбунов М.А. К вопросу о сущности современного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 17–22.

Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Дрекслер Х. *Res publica* // *Res publica: История понятия: Сборник статей* / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 67–170.

Еллинек Г. Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. 600 с.

Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. 432 с.

Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 63–85.

Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 6–11.

Иеринг Р. Цель в праве. I том. СПб., 1881. 416 с.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 360 с.

Каптони Н. Макиавелли / пер. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 352 с.

Корнев А.В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 11–21.

Костин Ю.В. Понятие государства в истории политico-правовой мысли и современных трактовках // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (25), 2007. С. 3–7.

Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Изд. 3-е. СПб., 1913. 672 с.

Лексин И.В. Государственное устройство федераций в составе Европейского союза: учебное пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2011. 272 с.

Лексин И.В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразие концептуальных иллюзий // Федерализм. 2017. № 1 (85). С. 79–92.

Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) //

Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 206–227.

Лексин И.В. Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Выпуск 12. С. 476–486.

Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 17–29.

Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 457–470.

Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. 434 с.

Мартенс Ф.Ф. Лекции по государственному праву. Санкт-Петербург, 1892. 280 с.

Меркель А. Юридическая энциклопедия / Пер. Ф.К. Зейделя, под ред. В.М. Грибовского. СПб., 1902. 256 с.

Назмутдинов Б.В. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 122–138.

Очинников В.А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. 2006. № 10. С. 20–29.

Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. М. Проект RUSTATE.ORG, 2020. 255 с.

Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986. 607 с.

Политика Аристотеля / Н. Скворцов; пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. 464 с.

Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Изд. 4-е. Киев, 1913. 294 с.

Свешников М.И. Русское государственное право. Часть I. Общая теория государственного права. Санкт-Петербург, 1895. 312 с.

Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса: Экон. тип., 1890. 334 с.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. 504 с.

Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. 536 с.

Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.

Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. 228 с.

Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. Издание 3-е, испр. и доп. М., 1906. 136 с.

Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 226 с.

Чернядьев А.А. Вестфальский мирный трактат: проблемы противодействия зарождающемуся терроризму // Lex Russica. 2014. № 5. С. 564–574.

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки Ч. I. Общее государственное право. М., 1894. 484 с.

Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910. 320 с.

Шматова Е.С. Государство как субъект публичного права: теоретико-правовой аспект // Юрист. 2023. № 10. С. 2–7.

Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 213–224.

Штарк Р. *Res publica* // *Res publica: История понятия: Сборник статей* / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7–66.

Шюрбаум В. Цицерон: *De re publica* // *Res publica: История понятия: Сборник статей* / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 171–246.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 23–178.

Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. I. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925–1926. 1240 с.

Юрочкин М.А. Государство: теоретические аспекты формирования понятия // Отечественная юриспруденция. 2015. № 1(1). С. 6–10.

Augustinus S. *De Civitate Dei. Venetiis*, 1475. 610 p.

Botero G. *Della Ragion di Stato. Libri Dieci, con Tre Libri delle Cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città. Venetia: Appresso i Gioliti*, 1589. 368 p.

Ciceronis M.T. *De Re Publica. Bostoniae: O. Everett*, 1823. 144 p.

Claessen H.J.M., Skalnik P. *Early State. Mouton: The Hague*, 1978. 689 p.

Creveld M. van. *The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press*, 1999. 439 p.

Duguit L. *Manuel de droit constitutionnel. Théorie général de l'État. — Organisation politique. Paris*, 1907. 1142 p.

Ferguson Y.H., Mansbach R.W. *The State, Conceptual Chaos, and the Future of International Relations Theory. Boulder: The University of Denver*, 1989. 128 p.

Iereng R. von. *Der Zweck im Recht. 1. Band. 2. umgearbeitete Aufl. Leipzig*, 1884. 572 s.

Il Principe, e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio di Niccolò Machiavelli. Firenze: Felice le Monnier, 1848. 428 p.

Jessop B. *The State and Power // The SAGE Handbook of Power* / Eds. S.R. Clegg and M. Haugaard. L.: SAGE Publications Ltd, 2009. P. 367–382.

Jessop B. *The state: past, present, future. Cambridge: Polity Press*, 2016. 304 p.

Jouvenel B. de. *Du pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance. Paris: Hachette*, 1975. 463 p.

Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs. 3. Aufl. 1. Band. Freiburg und Leipzig, 1895. 768 s.

Lachmann R. States and Power. Cambridge: Polity, 2010. 234 p.

Lübtow U. von. Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M., 1955. 760 s.

Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. 2. Auflage. München: R. Oldenbourg Verlag, 1960. 560 s.

Seydel M. Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, 1873. 104 s.

Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. L. and NY: Verso, 2003. 308 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лексин Иван Владимирович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail:* leksin@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ivan V. Leksin — DSc, Head of Department of Legal Foundations of Public Administration, School (Faculty) of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail:* leksin@spa.msu.ru